

Интервью с Франсуа Ларюэлем,
Не-философом

Бастьен Галле, Франсуа Ларюэль

Интервью с Франсуа Ларюэлем, не-философом

Бастьен Галле — Ecole nationale supérieure des beaux-arts (l'ENBA), Lyon, France; email: bastien.gallet@editions-mf.com

Франсуа Ларюэль — Université Paris-Nanterre, Paris, France; email: francois.laruelle@free.fr

Перевод с фр. Никиты Архипова¹

Разговор Бастьена Галле с Франсуа Ларюэлем посвящен развертке основных проблем, принципов и идей, которые формулирует и с которыми работает не-философия как именно не-философская, а не над-философская, по мнению Ларюэля, дисциплина. Так, первой и наиболее важной проблемой, идеей и принципом не-философии становится Реальное, понятое как нередуцируемый остаток, преследующий философское мышление, претендующее на тотализацию. Поскольку Реальное отбрасывается самой философией как невозможное к вопрошанию, неизменно сопутствующее, Ларюэль постулирует минимизацию его присутствия и полагает предметом не-философии саму философию, рассматривая последнюю в качестве «философской фантастики», «сырья» не-философии. Само Реальное при этом регулирует общее движение как Одно, но такое Одно, которое не причастно к бытию, а представляет собой один из крайних терминов того, что Ларюэль именует унилатеральной дуальностью: ситуацию односторонней связи между X и Y, где последний есть абсолютно независимое Одно-в-Одном, а первый — зависимый, стремящийся к Y термин, полученный из трансцендентности, клон Одного. Одно же полага-

¹ Перевод выполнен по изданию Entretien avec F. Laruelle, non-philosophe (avec Bastien Gallet) // Musica Falsa. 1999. № 13.

ется аксиоматически и представляет собой, по мысли Ларюэля, радикальную, радикализированную имманентность, главной операцией (с) которой становится видение-в-Одном. Это последнее также характеризует Одно как (не)-Одно (в трансцендентальной перспективе), подразумевая отношения зависимости. Согласно Ларюэлю, Реальное как Одно, абсолютно независимое, подрывает само-достаточность философии, поскольку «дается-без-данности» и в принципе не-доступно к выдаче, где это «не» — собственно говоря, такой же трансцендентальный клон, указывающий на зависимость от Одного как радикальной имманентности. Именно поэтому не-философия мыслится Ларюэлем в качестве паноптической позиции, подрывающей само-достаточность, само-обоснование и само-полагание всякой возможной философии.

Моей целью всегда было написание текстов с философскими повадками, производящих впечатление родства с философией, но не выступающих таковыми на самом деле. Этому письму всегда сопутствовала идея создать мышление, в каком-то смысле напоминающее фантастику (*d'une certaine manière fictionnante*), но подобная манера фантазировать исключает любую форму психологизации. Так всплывает проблема созидательности мышления, создания новых жанров. Нет ничего прекраснее, нежели создавать новые жанры. Если я глобально провалюсь в этом, то, среди прочего, будет наглядно показано, что [создание конкретного жанра невозможно].

(с) Франсуа Ларюэль

Бастьен Галле: Философия всегда отстаивала свое право мыслить реальность, как бы ее ни называли в рамках конкретной традиции. Тем не менее вы пишете, что философия — это сырье для совсем другой дисциплины, которую вы называете не-философией. В силу этого вопрос о реальности устраняется с философского горизонта. Тогда в чем состоит вопрос не-философии?

Франсуа Ларюэль: Я оставляю за философией право задаваться вопросом о реальности, но я превращаю этот вопрос в некую галлюцинацию, а вовсе не в трансцендентальную иллюзию. Необходимо «расширить» сказанное Кантом... Я говорю про галлюцинацию, потому что Реальное в строгом смысле не может быть подвержено вопрошанию (*hors de la question*) и отбрасывается (*forclos*) философией. Сужая Реальное и минимизируя его присутствие, я показываю мышлению новые возможные предметы. Мышление отделяется от эмпирической реальности, и теперь его предметом становится отношение философии к эмпирическому миру. В действительности корпус философских высказываний в определенных условиях становится сырьем, совокупностью симптомов для такой работы, которая должна,

отталкиваясь от них, производить высказывания, не редуцируемые к философским высказываниям, но объясняющие их. Эти нередуцируемые высказывания объясняют корпус философских высказываний не генетически и не в философской и непрерывной манере (то же относится к исторической или социологической перспективе), но дают нередуцируемое объяснение объясняемой вещи. Эта работа также выступает «фантазированием» о новых более или менее неожиданных (*emergent*) высказываниях, что в особенности касается их внутренней грамматики и синтаксиса, но не их вокабуляра. Истинная инновация не-философии заключается не в создании новых слов, хотя при определенных условиях мы все еще можем делать это, но в создании новой грамматики или создании высказываний посредством иной грамматики, которая более универсальна, нежели философская грамматика. Не-философия может изъять желание стать (возможно, не обладая необходимой для этого силой) инкубатором философского сырья, вскипать пузырьками различных мышлений, представленных в человеческом, но не божественном, мышлении.

Б. Г.: Однако не-философия — это не фантастика. Если разговоры о Реальном сведены к минимуму или даже запрещены, вы так или иначе подвергаете философию испытанию этим Реальным. И это испытание, стерилизуя философскую практику, размножает ее понятия. В не-философии присутствуют процедуры, которые вы описываете с огромной точностью.

Ф. Л.: Сами эти процедуры извлекаются из процедур, правил и структур, опирающихся на философские решения, трансформированные не-философией в новые правила, всецело стущаемые в идее односторонней однотерминовой дуальности — это больше, чем монизм, но меньше, чем дуализм, — или в идее определения-в-последней-инстанции (*détérmination-en-dernière-instance*)... Операция клонирования, которая обуславливает такой тип определения, в каком-то смысле образует сердце или предельную возможность этой структуры. Опе-

рация, обобщенно именуемая мною как «дуализ» (dualyse), просто-напросто состоит в том, чтобы рассмотреть философские высказывания посредством этой дуальности, а это требует определенной работы и проведения множества операций. Философия подвергается испытанию, но не через аскезу, хотя последняя в избытке имеется в не-философии, но испытывается в том смысле, что она, вопреки самой себе, сталкивается с опытом Реального, владения которым она желает, как и владения дискурсом о нем. Но она обладает этим опытом лишь через галлюцинацию. Последняя появляется в диспозитиве не-философии как из Реального, которое терпит неудачу и создается вовсе не с целью высказать Реальное, ибо последнее не может быть высказано. И все же она всегда чересчур желает его высказать. Она грешит избытком амбиций и доверия к себе. На уровне ее итогового притязания, которое я называю Принципом достаточной философии, она является галлюцинаторной. Очевидно, что имеется в виду не психологическая и не патологическая галлюцинация. В трансцендентальной диалектике Кант устранил иллюзию трансцендентальной кажимости, но все еще существует кое-что более иллюзорное, нежели трансцендентальная кажимость, и эта более иллюзорная инстанция одновременно ее обосновывает — это галлюцинация о Реальном, которой Кант нас научил, не желая поддаваться ей. Философии уже с самого начала отказано в том ее притязании, над которым меньше всего задумываются. Эта претензия состоит в том, что она мнит себя обоснованным дискурсом, находящимся по ту сторону мира в его реальном эмпирическом проявлении, мнит себя валидным Реальным-в-человеке в том смысле, что, будучи лишенным любой обоснованности, этот дискурс определяет саму «реальную возможность». Но Реальное все еще изъято и отброшено, что и позволяет ему манифестировать некую галлюцинацию через философию.

Б. Г.: В таком случае не производит ли не-философия квази-психоаналитического прочтения философии?

Ф. Л.: Квази... мне часто говорили, что не-философия может показаться своего рода психоанализом философии. Но я бы выразился точнее: психоанализ для ... или же уровня философии. Но это не применение психоаналитических понятий, вытекающих из психологии или логики-лингвистики, к философии. Это разворачивание квазианалитических теории и практики (что я называю «дуализмом») для иллюзий и галлюцинаций, то есть всей воображаемой жизни философии. Впрочем, я ни в кой мере не пытаюсь обуздать эту воображаемую жизнь, но, напротив, в некоторой мере желаю, чтобы она размножалась в качестве философской фантастики.

Б. Г.: Но как сама философия отстаивает свою законность, в которой прежде было отказано философии?

Ф. Л.: Это зеркальное возражение, но уже со стороны философии. Однако у вас нет иных аргументов в защиту этого возражения помимо ссылки на притязания [философии] и аргумента о самодостаточности философии. Эта та же проблема, с которой сталкивается психоанализ, когда должен защищаться от «хорошо обоснованных» возражений сознания. Не-философия не должна защищаться, потому что она фиксирует минимальный и необходимый критерий Реального, которому философия не может удовлетворить. Как раз философия обречена защищаться и постоянно делает это через маневры (*evitement*) и цензуру. Мы не должны защищаться и оправдываться против цензуры. И я не должен доказывать Реальное, которое недоказуемо. Тем более что мой дискурс трансцендентально выводится из этого Реального. Не-философия авторизует сама себя и свою практику, от которой невозможно защититься, но не в том смысле, в каком нельзя защититься от психоанализа. Она авторизует себя как субъекта-Чужестранца (*sujet-Étranger*), но уж точно не авторизуется Реальным, как того желает философия (с этим сопряжена ее высокомерная самодостаточность). Реальным скорее определяется не-философия, и это не взаимное отношение. Эта практика авторизует себя — она трансцен-

дентальна или имманентна — на определение-в-последней-инстанции (*détermination-en-dernière-instance*). Это не означает, что не-философия не поддается техническому или теоретическому улучшению, и что не нужно улучшать ее понятия или теоретические инструменты. Определенных ограничений скорее могли бы требовать квазинаучные притязания не-философии. Но если мы говорим об имманентности Реального, трактуемого как видение-в-Одном, то можно ли совершить иной или более радикальный теоретический жест?

Б. Г.: Радикальная имманентность, которую вы также называете Одним-в-Одном, лежит в самом сердце не-философии, — это инстанция, которая обосновывает и делает действенными все процедуры, которые она осуществляет. Почему это Одно-в-Одном представляется чем-то иным, нежели простым философским понятием?

Ф. Л.: Не может быть меньшего, нежели радикальная имманентность, или меньшего, нежели такое Одно, которое было бы в-Одном. Если ставится задача мыслить с наименьшим числом постулатов, то трансцендентность и Бытие, или даже Иное, выступают чем-то чрезмерным, если мы трактуем их как сущность мышления. Хотя неоплатоническое Одно описывается как Без-деление или как Неделимое, вопреки всему оно образует трансцендентность в назидательных целях. Одно-в-одном — это не Спинозовское единство субстанции, каждый атрибут которой выступает ее сущностью в развертывании. Одно-в-Одном — не универсалия такого рода: оно не обладает онтологической и трансцендентно-трансцендирующей сущностью, поскольку Реальное просто-напросто Без-сущностно или Без-состоятельно. И не-философия задается вопросом о последствиях, которые такое Реальное несет даже не для философии, но для мышления-теории о философии.

Б. Г.: В таком случае нельзя ли утверждать, что такое Реальное выступает перечеркнутым Богом без качеств, которого мы находим в негативной теологии?

Ф. Л.: Разумеется, его нельзя наделить качествами, однако перед не-философией не стоит такой проблемы. Это характерно для негативной теологии и диалектики, которые временно наделяют Бога качествами, чтобы впоследствии отбросить их. Реальное не имеет ни атрибутов, ни сущности, ни определения, как это происходит в той схеме, где Логос наделяет Единое, Бытие или Иное привилегированными (*supericent*) определениями так, как если бы он приписывал их некоему предмету или трансцендентной сущности. Тем не менее я практикую Одно таким образом, что, как на уровне определения, так и на уровне практики, оно никогда не выступает предметом или термином внутри какого-либо отношения. Видение-в-Одном находится в родственных отношениях с Бессознательным: мы можем временно схватить его, но в то же время оно радикальнее, чем Бессознательное, которое сводится к инаковости и все еще содержит отпечатки трансцендентности/трансцендирования. Очевидно, что проблема упирается в необходимость избежать противоречия между этой концепцией Реального и самого наличия дискурса о нем. Если прочувствовать и воспринять не-философский дискурс в философском стиле (впрочем, как могло бы быть иначе, если мы догматически принимаем последний), если не практиковать не-философию, не став не-философским субъектом, то будет казаться, будто не-философия — это дополнительное описание Реального, Одного-в-Одном, как если бы речь шла об описании экстраординарного объекта с парадоксальными свойствами, а в известных случаях — с сущностью, совокупностью характеристик и тому подобным. При таком раскладе триумф философского авторитета был бы обеспечен. Тем не менее я озадачен совсем другими вещами. Я задаю аксиомы о Реальном, которые одновременно выступают определениями, но не в том смысле, в каком их использует

философия. На первый взгляд, эти аксиомы походят на философские высказывания, однако они лишены своего начального смысла, будучи философскими только вещественно. В разговоре об *Одном* я не описываю некий предмет, но формулирую высказывания, которые каждой буквой выжигают свою философскую незначимость и бессмысленность. Они становятся следствием радикальной абстракции, носящей не метафизический, но аксиоматический характер. Тогда становится очевидным, что сравнения между не-философией и негативной теологией неуместны, выступая следствием одержимости философией, о которой я постоянно слышу от окружающих. И все же моя цель не сводится к попыткам высказать Реальное в его минимальном и строгом смысле отброшенного Реального, чтобы затем начать отрицать эту претензию на говорение. Мой проект не предполагает обращения Логоса против него самого, поскольку уже с самого начала он лишается здесь всех своих притязаний, что, однако, не приводит нас к молчанию, как это происходит в мистике. Не-философия только и делает, что говорит, но говорит в-Молчании. Я располагаю высказываниями, которые используют Логос, но больше не принадлежат ему, поскольку берут в скобки то философское, что обычно подразумевается в них. Не-философия скорее выступает прагматикой согласно-Одному, нежели позитивной или негативной теологией *Одного*. Высказывания, которые воспроизводят проблему *Одного-в-Одном* и пытаются уточнить его, в действительности не описывают свойства *Одного*, это не предикативно-философский логос. Они используют предикацию, но посредством грамматики, не предполагающей логико-онтологической операции предикации.

Б. Г.: Вы описываете своего рода устройство для проведения экспериментов.

Ф. Л.: Да, в этом присутствует подобный аспект как в плане наличия предмета (философия), имеющего свои переменные и постоянные, более или менее чистые породы и эмпирические

области интереса, так и в плане процедур, при помощи которых этот предмет рассматривается. Говоря о последних, можно, не слишком вдаваясь в подробности, различить следующие операции: выявление трансцендентальной двойственности философского дискурса и его выражение в качестве зависимого [от другого дискурса], построение его модели, требующее выполнения двух предыдущих жестов, и в конечном счете так называемое клонирование не-философских высказываний посредством философского сырья. Именно поэтому такое исследование крайне пластично, гибко и может обладать различными вариациями в силу разнообразия философских языков. В текущий момент я пытаюсь выразить перечисленное в формальном виде, чтобы создать для философии дисциплину, которая поможет ей избежать порочного круга самоинтерпретации или герменевтизма.

Б. Г.: Дела обстоят так, как если бы вы помещали философские высказывания невыносимо близко к Реальному.

Ф. Л.: Близко или, напротив, далеко, что столь же невыносимо. На деле они размещаются в самом Реальном, которое неотделимо от своего присутствия и отсутствия или тождественно им, ведь оно не онтологическая сущность (*entité*) и даже не ничто. Оно — радикальная неустойчивость, чье действие не зависит от степени приближения или удаления от него. Его каузальность воплощается в форме трансцендентального одностороннего действия, но это не инстанция, находящаяся на определенном удалении от всего прочего или имеющая трансцендентально-трансцендирующий характер. Это двойственность, один из терминов которой (*видение-в-Одном*) не обладает устойчивостью, присущей онтическому или онтологическому термину. *Видение-в-Одном* — это большее и иное, нежели что-то отсутствующее, оно не имеет устойчивости отсутствия или нехватки. Не-лейбницовская, не-лакановская и не-философская формулировка проблемы могла бы быть следующей: почему скорее имеется ничто, нежели только не-ничто или Без-устойчивость?

Б. Г.: Пребывая под действием этого не-присутствия, философские высказывания подвергаются глубокой мутации. Строго говоря, это-то и зовется вами односторонней дуальностью. Мутация, которую они переживают, оставляет Одно-в-Одном абсолютно безразличным.

Ф. Л.: С одной стороны, эти высказывания подвешиваются в воздухе или подвергаются редукции в практически феноменологическом смысле этого слова: они теряют свои притязания на их соответствие Реальному. Последнее больше не выступает их предметом, и, вероятно, отныне они соотносятся с другим предметом. С другой стороны, они подвергаются более техническому и глубинному преобразованию, основные операции которого я затронул ранее. На самом деле все эти феномены² возникают в результате все той же грамматической или синтаксической трансформации понятий и вокабул, принадлежащих философии. Я учреждаю «логику», которая не покоится на принципе тождества и не сводится к диалектике, но оказывается просто-напросто дуализмом. Повторюсь в заключительный раз, я не думаю, что мой проект — это негативная теология, поскольку она всегда оказывается противостоянием между Логосом и некоей трансцендентно-трансцендирующей сущностью (Бог в качестве Одного или Бытия), которая в лучшем случае оказывается перечеркнутой. Я ничего не перечеркиваю, но подвергаю понятия другой трансформации. Что в точности означает «не» в названии «не-философия»? Это не «не» бытия или ничто, но «не», на которое способно Одно-в-Одном или Без-устойчивость. Следует строго различать «без», которое характеризует Реальное как таковое и выступает [его] необходимым, но недостаточным условием, и позитивную ипостась этого «без», которая высказывается на сей раз в трансцендентальной перспективе, как «не». Тот факт, что «без» высказывается как «не» и формирует с ним одностороннюю дуальность, в

² Одно-в-Одном, Видение-в-Одном и тому подобное. — *Прим. пер.*

итоге приводит к дуализму унитарного Логоса. Таким образом, «не» — следствие, а не условие Одного. Это «не», помещаемое мной в скобки, когда я говорю о (не)-Одном, указывает, что последнее существует более слабым образом относительно Одного (словно зависимо от Одного), но не относительно ничто или не-бытия. На более глубоком уровне Одно в силу своей радикальной имманентности отделено от Бытия, Мира, философии, хотя и не было какого-либо акта отделения. В этом и состоит истинное содержание «без». Выступая таковой не в силу трансцендентности, но в силу радикальной имманентности, возложенная на Одно инаковость, выступая (не)-Одним, в каком-то смысле сильнее, нежели ничто. Это трансцендентальное Иное, а не просто Иное, за которым следует дополнение в родительном падеже. Это иное подвешивает фундаментальный механизм философии, который сводится к «само» (самополаганию, самоуправству (autodécision), самоименованию или самовыдаче) и содержит логоцентричные формы инаковости. Оно не подрывает Бытие или Логос, но выносит за скобки ее самодостаточность и самодовольство. Поэтому вовсе не философские понятия оказываются пораженными не-бытием или даже более сильной инаковостью, как это происходит у Хайдеггера, а также у Деррида, но принцип достаточной философии.

Б. Г.: Как (не)-Одно влияет на философские понятия, которые подчинены ему?

Ф. Л.: Если практически мыслить, исходя из Одного-в-Одном в качестве отправной точки, опираясь на правила унитарной двойственности, то в таком случае философские притязания, например в виде принципа достаточной философии, упраздняются. Это не означает, что исчезает сама философия, но ее наиболее универсальные, обширные и предельные претензии. Речь даже не идет о процессе или операции редукции, как это происходит у Гуссерля, у которого, посредством редукции, мы обнаруживаем описание сознательного процесса. Если мы практически осмысляем Одно-в-Одном, то мы не размыш-

ляем о «философии», мы используем ее, ориентируясь на иное целеполагание. На самом деле это весьма комплексная операция. Не образуясь из разрозненных кусочков, инаковость или трансцендентальное (не)-Одно, которое принадлежит Одному, с необходимостью сообщает свой имманентный характер и свое тождество философским данным, сообщает их трансцендентности, тем самым вырывая последнюю из нее же.

Б. Г.: Таким образом, имеет место своего рода инкубатор не-философских терминов и высказываний, выступающих своего рода монструозными клонами философских понятий.

Ф. Л.: Да, клоны, но не в биологическом или ином метафорическом смысле. Для биологов речь идет об эмпирическом тождестве, о существе, которое идентично другому существу и имеет с ним понятийное тождество в виде совпадающего набора черт, составляющих их понятие. Существует трансцендентальная идентичность, которой в каком-то смысле охвачены два эмпирических образца. В более строгом смысле при первом опыте клонирования имело место тождество конкретной овцы, после чего возникло две овцы, мать и дочь. Упомянутое тождество — внешнее тождество эмпирических элементов. В то же время в не-философии, которая подражает в слегка менее овечье-слепой манере, причиной клона выступает тождество/идентичность-в-человеке (воплощенная идентичность), т. е. само Одно. Кроме того, клонированием управляет не трансцендентное тождество, но имманентное тождество. Это Одно-в-Одном совершает клонирование, оно обеспечивается видением-в-Одном. Так клон, трактуемый в не-философском смысле, не выступает повторением или двойником философии. В противоположность идее о том, что философия — это царство более или менее отличных друг от друга двойников или дублетов, всегда отражающих и перерабатывающих друг друга, я утверждаю, что не-философия — это царство тождества двойника, тождества (очевидно не-аналитического) философских понятий. Философия — это клон философии, тождество

для философии или тождество самой философии, не выступающее ее повторением или подражанием ей. Напротив, тождество-собственной-персоной образует более радикальный потенциал для инаковости, нежели Иное, о котором нас научили говорить современные философы.

Б. Г.: Почему есть нужда в создании не-философии? Что мешает нам продолжить заниматься философией?

Ф. Л.: Ответ прост: это необходимо, потому что это возможно. Если это возможно, почему не заняться этим? Достаточная мотивация — возможность искать и находить новые теоретические средства. Можно оспорить, будто я нашел их, но по меньшей мере я искал. Есть и другая мотивация, находящая свои истоки в философии: присутствует определенное недовольство философией, ощущение, что это гигантская машина, которая производит повторение, да, разумеется, есть и различие, но это различие, которое в итоге станет составной частью Тождественного или будет интегрировано при помощи Тождественного. Разгадка кроется в фундаментальной фигуре философии, Тождественном. Мы можем желать иного, нежели Тождественное, или желать иначе, нежели согласно Тождественному, которое представляется самодостаточным и ответственным в том, что мышление повторяется. Значит ли это желать Иного в смысле Левинаса? Идет ли речь о желании больше не желать или нежелании желать? Или желания лишиться своего желания, соглашаясь на него, или желания лишиться его еще до того, как мы сумели на него согласиться? Также возможно, не желая этого привычным способом, но в то же время имманентно практикуя свое хотение и определяя его этим, поставить проблему, одновременно имеющую философски-научную мотивацию: почему бы не построить теорию философии? Почему не отыскать науку или квази-анализ для философии? В начале пути с необходимостью имеется философская мотивация: произвести высказывания, которые окажутся новыми философскими решениями, создать науку или искусство философии и т. п. В текущий же момент я сказал бы

следующее: почему не создать этику или эстетику, предназначенную философии? Однако для этого необходимо разместиться в точке, которая не будет философским центром, островом или утесом, необходимо оказаться в не-месте, пожелать радикальной и не-островной утопии. Пожелать не психологической или воображаемой утопии, но того, что я называю утопией Реального или согласно Реальному. С подступов к Реальному в качестве утопии и ухронии (Реальное нельзя трактовать как преимущественно темпоральное и вечное, но оно позволяет сформулировать определенную концепцию времени). Всегда необходимо от чего-то отталкиваться. Не-философия действительно похожа на абсолютно изначальные гипотезы и постулаты, и думаю, что будет сложно найти более радикальные аксиомы, нежели следующая, Реальное — это предполагаемое или предпосылка, которая, однако, не выступает началом, но в-последней-инстанции определяет радикальное начало мышления. И любые замечания Гегеля ничего не сделают с этим.

Б. Г.: Совсем как философия, не-философия одухотворяется мощным стремлением к энциклопедизму. В текущий момент уже существует набросок не-психоанализа, не-эстетики, не-науки и тому подобного. Не пытается ли философия очаровать не-философию своеобразным каннибальским шармом?

Ф. Л.: Почему? Как только философское поле существует в качестве предмета, а мы интересуемся его структурой и нуждами этой области, мы вынуждены интересоваться и другими областями, поскольку сама философия программирует свое отношение ко всем регионам и предметам опыта. И дело не только в том, что она явно программирует это отношение в виде философии языка, философии искусства и т. д. Необходимо задаться вопросом, не включает ли она в себя научные знания, художественные практики и знания. Иными словами, не пытается ли она включить этическое, эстетическое и научное знание? Не претендует ли она на роль условия, составляющего их чистую возможность? Философия материализует, фиксирует все

перечисленное и включает его в себя, тем самым вырывая эти области из их изначальной стихии. Разумеется, философия зарождается в структуре того, что я описал как «само»: самополагание, самоименование, самовыдача, самоименование. Эта чисто философская структура не просто встраивается в факты, постоянно примешивая себя к опыту, но и сама сущностно (а не случайно) образует смесь, и это не ее случайное качество. Я полагаю, что философия стихийно энциклопедична, а ее знаменитое «смешение» с другими областями, которое провозглашает новое поколение философов, либо выступает широко открытой дверью, либо — теоретической глупостью, словом — просто видимостью. На более глубоком уровне энциклопедизм принадлежит самой структуре философии, поскольку последняя образует круг, круг, охватывающий все прочие круги или Тождественное. Тождественное — та уютная энциклопедия, которую образуют бытие и мышление. Именно поэтому не-философия вынуждена идти в атаку на различные области опыта и знания, в свою очередь не впадая в энциклопедизм и не пытаясь целокупно охватить все знание разом. Энциклопедизм воспрещен не-философии и невозможен для нее. Для не-философии опыт носит радикально открытый и свободный характер, а не был предварительно замкнут внутри философской системы. Замысел философии в отношении опыта — заранее закрыть и априорно сформировать последний, создав предварительный образ его целокупности. Тем самым философия подготавливает опыт для понятийного схватывания. В то же время с приходом не-философии определяющей или реальной инстанцией становится Одно-в-Одном, радикальная неустойчивость, абсолютно минимально данное, и я думаю, что, размещаясь по эту сторону Одного-в-Одном, мы не найдем ничего меньшего, чем оно. При таком раскладе внезапно обнаруживается, что тотальность более не существует, разве что в статусе видимости, трансцендентальной иллюзии или даже галлюцинации. Не-философия — это мышление, но не об индивидуе, а согласно индивиду в его радикальном проявлении. Следовательно, в преде-

ле больше не существует никакой всеобщности, а Все больше не лежит в основе всего прочего, оказываясь лишь предметом, философской формой среди прочих знаний. Однако эта форма стремится смешаться с другими знаниями и господствовать над ними, как это происходит с большинством доктрин. Моя проблема упирается в разработку так называемых унифицированных теорий: нужно построить теорию для каждого региона опыта через его тождество-в-последней-инстанции с философией. И это не предполагает составление энциклопедии опыта.

Б. Г.: Множество философских проектов работают с опорой на процедуры. Не только феноменология, но и теория коммуникативного действия Юргена Хабермаса, а также теория справедливости Джона Ролза. Кроме того, мы находим множество систем, построенных через процедуры, в поэзии и музыке. Это дух времени?

Ф. Л.: Одна из причин этого — усталость от систем. Философы и прочие в одинаковой мере устали от систем. Кроме того, опыт настолько размножился (я говорю даже не об эмпирике, но об умножении знаний), что философская манера охватывать все это была сильнейшим образом нарушена. Разумеется, философия всегда удерживала свое трещащее по швам единство, стоящее над опытом и держащееся при помощи него. Она всегда так или иначе претендовала на соответствие этому опыту. Тем не менее благодаря воздействию вещей опыт подобен газу, который изнутри разрывает мыльный пузырь философии. Однако моя проблема — вовсе не взорвать этот пузырь (он не для этого), но помыслить тождество этого пузыря и открытой, но вовсе не трещащей по швам, множественности, заполняющей его. Философия всегда производит платоновскую по своему настрою трансцендентность, которая далека от опыта, даже если она производит свой знаменитый «возврат» к опыту. В любом случае она лишь бегло обзревает опыт сверху и делает аллюзии на него, пользуясь избитым именем «предмет» (научный, текстовый, технологический и т. д.). Не-философия вво-

дит трансцендентальную теорему, согласно которой философия — априорная форма Мира или для Мира. Тем самым не-философия связывает философию и мир еще более радикально, чем это делает сама философия. Я называю это «трансцендентальной теоремой философизуемости опыта», которая куда менее очевидна, чем это полагают философы.

Б. Г.: Существует ли практика и этика не-философии?

Ф. Л.: Не-философия это практика ... теории и в ... теории: она должна упираться в практику «унифицированной теории», но не непосредственную эмпирическую практику или те ее разновидности, которые мыслятся нами как участие в тех или иных событиях. Разумеется, на каком-то уровне не-философия улавливает события, но в своей естественной форме они не соотносятся с тем конкретным опытом, который задается аксиомами и теоремами не-философии. Если что-то и выступает конкретным для не-философии, так это слияние или не-слияние события и мышления о нем или его интерпретации (последние следует понимать как его философскую или философизируемую априорную форму). Дела обстоят так, как если бы не-философия была мышлением, возведенным во вторую степень. Такое мышление поднимает на одну ступень вверх традиционную философию, усложняя ее новой формой, отныне и образующей феномены. «Опыт» — это эмпиристское и философское понятие, которое следует заместить термином «мышление-мир», который будет представлять своего рода тождество-в-последней-инстанции философии и опыта, философии и науки, философии и этики, философии и так далее. Это и есть задача моей дисциплины. Я задаюсь вопросом, как возможны такого рода комплексные объекты и можно ли их теоретически осмыслить. Из этой позиции неизбежно станет возможным вторгнуться в эти неделимые смеси. Посредством какой операции, каких средств и каких инструментов это возможно? Мы наметили это ранее. Эта операция называется «дуализмом».

Interview with François Laruelle, non-philosopher

Bastien Gallet — Ecole nationale supérieure des beaux-arts (l'ENBA), Lyon, France; email: bastien.gallet@editions-mf.com

François Laruelle — Université Paris-Nanterre, Paris, France; email: francois.laruelle@free.fr

Bastien Halle's conversation with François Laruelle is devoted to unfolding the main problems, principles, and ideas that non-philosophy, as a discipline that is specifically non-philosophical and not, in Laruelle's view, supra-philosophical, formulates and works with. Thus, the first and most important problem, idea, and principle of non-philosophy becomes the Real, understood as an irreducible residue that haunts philosophical thinking that claims totalization. Since the Real is discarded by philosophy itself as impossible to question, and invariably accompanying, Laruelle postulates the minimization of its presence and considers philosophy itself as the subject of non-philosophy, treating the latter as a «philosophical fiction», the «raw material» of non-philosophy. The Real itself regulates the general movement of thought as One, but a One that is not involved in being, but is one of the extreme terms of what Laruelle calls the unilateral duality: the situation of a one-sided relation between X and Y, where the latter is an absolutely independent One-in-One, and the former is a dependent term, aspiring to Y, derived from transcendence, a clone of the One. The One, on the other hand, is axiomatic and represents, in Laruelle's thought, a radical, radicalized immanence, the main operation (with) of which becomes the vision-in-One. This latter also characterizes the One as (not)-One

(from a transcendental perspective), implying a relationship of dependence. According to Laruelle, the absolutely independent, Real as One undermines the self-sufficiency of philosophy insofar as it is «given-without-giveness» and in principle unavailable for issuing, where this «not» is actually the same transcendental clone indicating dependence on the One as radical immanence. This is why non-philosophy is thought of by Laruelle as a panoptic position that undermines the self-sufficiency, self-justification, and self-substantiation of any possible philosophy.